

Научная статья

УДК 94(5)

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-151-160>

Умышленные убийства на территории Восточной Сибири досоветского времени

Алексей Александрович Сысоев

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, daosss1972@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0473-4365>

Аннотация. В условиях современной трансформации российской государственности закономерно усилилось внимание к проблемам противодействия тяжкой уголовной преступности. Ключевое значение приобретает исторический опыт. Не случайно на протяжении последнего десятилетия заметно активизировалось изучение проявлений различных видов противоправных деяний и способов противодействия им. Объектом исследования являются особенности развития тяжкой уголовной преступности на территории Восточной Сибири в досоветское время, предметом – проявление этого процесса в виде умышленных лишений жизни. Цель исследования заключается в определении причин, содержания, тенденций и закономерностей распространения тяжкой уголовной преступности на территории Восточных окраин Российской Империи. Научная новизна проведенного исследования заключается в анализе динамики и направленности развития тяжкой уголовной преступности в условиях «штрафной колонизации» Восточной Сибири. Уголовная ссылка, как одна из форм наказания, практиковавшаяся пенитенциарной системой самодержавия, послужила своеобразным катализатором, ускорившим распространение этого вида противоправных деяний на сибирских территориях. В результате, уже в XIX столетии умышленные убийства стали превалировать над иными видами противоправных деяний, совершаемых в регионе. Стремительно распространившись на малозаселенных сибирских просторах за сравнительно небольшой период времени, умышленные убийства претерпели целый ряд качественных трансформаций. Параллельно происходила трансформация идеологии умышленного лишения жизни. В результате умышленные убийства стали использоваться злоумышленниками как способ сокрытия следов преступлений и инструмент противодействия правоохранителям. Совершаемые изначально как отягчающее обстоятельство, сопутствующее открытым хищениям имущества, убийства со временем стали использоваться в качестве основного инструмента обретения прибыли.

Ключевые слова: полиция, население, заказное убийство, промысел, умышленное убийство, тяжкая преступность, Восточная Сибирь, уголовная ссылка, беглый, противоправное деяние

Для цитирования: Сысоев А. А. Умышленные убийства на территории Восточной Сибири досоветского времени // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 151–160. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-151-160>

Original article

Premeditated murders on the territory of Eastern Siberia in pre-Soviet times

Alexey A. Sysoev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,
daosss1972@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0473-4365>

Abstract. In the conditions of the modern transformation of the Russian statehood such subject as attention to the problems of counteracting serious criminal offenses has naturally increased. Historical experience is of key importance. It is no coincidence that over the past decade the study of the manifestations of various types of illegal acts and ways to counter them had noticeably intensified. The object of the study is the features of the development of serious crime in the territory of Eastern Siberia in the pre-Soviet period, the subject is the manifestation of this process in the form of intentional deprivation of life. The purpose of the study is to determine the causes, content, trends and patterns of the spread of serious crime in the Eastern outskirts of the Russian Empire. The scientific novelty of the study is the analysis of the dynamics and direction of the development of serious criminal offense in the conditions of “penal colonization” of Eastern Siberia. Criminal exile, as one of the forms of punishment practiced by the penitentiary system of the autocracy, served as a kind of catalyst that accelerated the spread of this type of illegal acts in the Siberian territories. As a result, already in the 19th century deliberate killings began to prevail over other types of illegal acts committed in the region. Rapidly spreading in the sparsely populated Siberian expanses in a relatively short period of time, premeditated murders have undergone a number of qualitative transformations. In parallel, there was a transformation of the ideology of deliberate

© Сысоев А. А., 2022

deprivation of life. As a result, deliberate killings began to be used by malefactors as a way to hide the traces of crimes and a tool to counteract law enforcement officers. Initially committed as an aggravating circumstance associated with open theft of property, murders eventually began to be used as a main tool for gaining profit.

Keywords: police, population, contract killing, crime hunting, premeditated murder, serious crime, Eastern Siberia, criminal exile, fugitive, illegal act

For citation: Sysoev A. A. (2022) Premeditated murders on the territory of Eastern Siberia in pre-Soviet times. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 151-160. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-151-160>

Особое внимание отечественных правоведов к умышленному убийству, как преступлению «против жизни, здоровья, свободы и чести и собственности частных лиц», обуславливалось повышенной общественной опасностью этого противоправного деяния. Обстоятельства, направленность и умышленный характер убийства формировали его социальную значимость для всех, без исключения, сословий Империи. Не случайно по классификации, введённой положениями Уголовного уложения 1903 г., умышленное убийство относили к категории тяжких преступлений, и наказывалось лишением всех прав состояния и ссылкой на длительные сроки в каторгу (Остроумов, 1960. С. 126).

Законодатель выделял в особую группу преступления, совершенные способом, мучительным для убитого, против родителей, родственников, начальника, священнослужителя, беременной женщины (Уложение о наказаниях..., 1845. Ст. 1449, 1451, 1452, 1453)¹. В этих случаях каторга могла назначаться бессрочно.

Именно каторга как одна из «высших форм наказания», практиковавшихся пенитенциарной системой самодержавия, послужила своеобразным катализатором, ускорившим распространение тяжкой уголовной преступности на сибирских территориях. В результате того, что на вечную каторгу в Сибирь приговаривались осужденные за совершение наиболее тяжких уголовных преступлений, уже в XIX столетии умышленные убийства стали превалировать над иными видами противоправных деяний, совершаемых в регионе. К этому времени современники называли Восточную Сибирь – «складочным местом всех убийц и злодеев» (Максимов, 1871. С. 191).

По сведениям одного из лидеров сибирского областничества Николая Михайловича Ядринцева, за 1873 г. в Енисейской губернии из 1545 зарегистрированных преступлений убийства составили 1158, т. е. около 72 % от общего количества выявленных противоправных деяний.

Похожая ситуация складывалась в Иркутской губернии и в Забайкальской области, где, по оценке старожилов, из всех совершенных преступлений «главную роль играли убийства» (Ядринцев, 2012. С. 199).

В то же время официально опубликованные данные по 33 губерниям Европейской России за 1874 г. показывали, что из 81963 зарегистрированных преступлений на убийства приходилось только 3173 случая, т. е. около 3,8 % (Итоги русской уголовной статистики..., 1899. С. 286–287)².

При таком положении дел значительную часть убийств, совершаемых на сибирских территориях, представители официальных властей предпочитали не регистрировать (Елинский, 2002. С. 180). В крупных населенных пунктах чиновники полиции стремились «улучшить» отчетность намеренно, вне мест компактного проживания сибиряков правоохранители физически не имели возможности фиксировать все криминальные события.

Отсутствие необходимого количества полицейских сил на огромных малонаселенных территориях Восточной Сибири практически исключало саму возможность учета совершаемых преступлений. В особенности это касалось противоправных деяний в отношении ссыльных вне мест их постоянной приписки (Соломон, 1900. С. 133). В результате, только по приблизительным оценкам отечественных исследовате-

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб. : Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. 898 с.

² Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.) / сост. в Стат. отд-нии М-ва юст. при ближайшем участии Е. Н. Тарновского. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1899. 407 с.

лей из 200 тыс. чел. высланных в Сибирь в первой половине XIX столетия к 1851 г. «на лицо было не более половины» (Шелгунов, 1871. С. 268; Сипягин, 1898. С. 3).

Очевидцы тех событий свидетельствовали, что «каждую весну, когда сойдет снег, близ селений и заимок, в реках, озерах и прудах, на полях и лугах находили значительное число, не редко очень изуродованных и неизвестно кому принадлежащих трупов, с огнестрельными ранами или с веревкою на шее» (Дриль, 1899. С. 166).

«Масса беглых убивалась сибирскими крестьянами и инородцами по лесам, их просто стреляли как зверя», – писал по этому поводу Н. М. Ядринцев. По мнению Николая Михайловича, таким образом во второй половине XIX в. погибало до 2/3 осужденных в Европейской России преступников (Ядринцев, 1882. С. 189).

С теми криминальными телами, которые все-таки удавалось обнаружить, как правило, не церемонились. О подобной пагубной практике в 1899 г. информировал высших чиновников края начальник Енисейского губернского жандармского управления из доклада которого следовало, что «подлежащие судебно-медицинскому вскрытию трупы по несколько недель оставались под влиянием воздуха... и в разложении их земские заседатели видели лучший исход к скорейшему прекращению возникающих дел» (Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 827. Оп. 1. Д. 270. Л. 21; Канск // Енисей. 1900. № 126. С. 3).

Намеренная фальсификация улик в целях скрывать следы насильственной смерти практиковалась в сибирских городах повсеместно. Это наглядно демонстрируют обстоятельства многочисленных отказов от возбуждения уголовных дел чиновниками городской полиции.

Так, у найденного 15 февраля 1872 г. в пригороде Иркутска крестьянина Егора Стрекаловского, по заключению полицейского пристава, «по случаю сильной окоченелости и невозможности снять одежду, знаков насильственной смерти определить было не возможно». Однако в акте осмотра тела указывалось, что «шея крестьянина распухла и на ней находится крепко стянутый сыромятный ремень» (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 91. Оп. 2. Д. 309. Л. 30).

20 марта 1876 г. полицейские, осматривавшие труп иркутской мещанки Домны Леонтьевой, констатировали, что «девица качала люльку с ребёнком, уснула и нечаянно задушилась на верёвке». Повторное исследование тела выявило признаки изнасилования и следы пальцев на шее потерпевшей (Криминальные хроники Иркутска, 2013. С. 33)³.

Из проведенного в 1886 г. полицейскими чинами Читы дознания по поводу смерти мещанки Булатовой следовало, что потерпевшая «умерла от угара, а под мост ее сволокли из человеколюбия». Однако позже прокурорскими чинами была проведена проверка с эксгумацией тела в результате которой удалось выявить «более полусотни знаков насилия, на шее следы от давления рукой, на органах признаки смерти от удушения» (Корреспонденции // Сибирь. 1886. № 12. С. 8).

Отсутствие требуемых сил и явная недееспособность имеющихся правоохранителей в условиях постоянно увеличивающегося притока осужденных за убийство вели к развитию рецидивов тяжкой преступности. Положение усугублялось недостатками пенитенциарной системы самодержавия, благодаря которым, значительная часть осужденных, отбывающих наказание в Восточной Сибири, выпадала из под контроля властей (Серошевский, 1908. С. 215). В результате на территории региона появлялись преступники, совершившие по несколько десятков умышленных убийств.

«Если сосланный был убийца, он снова убьет при первом удобном случае; убьет в остроге или своего товарища, или сторожа, или в бегах первого встречного, если убийство это выгодно», – замечал по этому поводу в своих очерках о Сибири Н. В. Шелгунов (Шелгунов, 1871. С. 294).

Наблюдения публициста подтверждал своими статистическими данными Н. М. Ядринцев, по сведениям которого, из 507 поселенцев и ссыльно-каторжных, осужденных за преступления на территории Енисейской губернии в 1873 г., в убийствах обвинялось 135 чел. (Ядринцев, 1882. С. 199). Таким образом, более четверти (26,62 %) от общего количества осужденных правонарушителей, вновь совершивших

³ Криминальные хроники Иркутска: хронологический перечень / авт-сост. А. А. Сысоев. Иркутск : Оттиск, 2013. 351 с.

противоправное деяние, подозревались в совершении умышленного лишения жизни.

После своего путешествия по Восточной Сибири, Н. В. Шелгунов описал случай, когда в Красноярске правоохранителям удалось изобличить беглого каторжника, подозреваемого в совершении 42 убийств (Шелгунов, 1871. С. 297). Н. М. Ядринцев приводит сведения о бежавших с Нерчинской каторги преступниках Калине и Капустине, виновных в убийстве 19 и 18 человек. «Говорят, писал Николай Михайлович, – у таких каторжных и убийц нет веры в Бога, у них нет и никаких нравственных убеждений» (Семилужинский, 1868. С. 103).

Со временем в среде преступников-рецидивистов выработались своеобразные суеверия. «Арестанты думают, – рассказывали сведущие люди, – что когда убежишь из острога, то первого кого ограбил, следует убить, а то будет не благополучно» (Шелгунов, 1871. С. 323).

Благодаря распространению подобных криминальных стереотипов на фоне убийств, сопряженных с грабежами и разбоями, стали прогрессировать случаи умышленного лишения жизни без определенного мотива или по незначительным причинам.

В этом контексте интересны воспоминания начальника Иркутского адмиралтейства Э. И. Стогова. Описывая события только одного дня, Эразм Иванович рассказывал: «На моих глазах, в течение четырех часов в городе Иркутске днем убили: крестьянина, двух женщин и девушку, последнюю – в пяти шагах от меня, на главной улице» (Стогов, 2003. С. 80).

Крестьянина убили каторжные, просившие подаяния около кабака. «Я видел, пишет автор, – как крестьянин вынул из-за пазухи мешочек с деньгами и подал каторжному монету (оказался пятак); как только подавший повернулся, каторжный ударил его ножом в спину, крестьянин упал, и убийца сказал: «Подлец, скряга, не мог подать более».

Девушку, проходившую по Большой улице убил унтер-офицер. Вот, как описывает происшествие Э. И. Стогов: «Рослый молодчина, шел щегольской походкой – с вывертом. Встретясь с девушкой, он быстро обнял ее и поцеловал. Слышал какой-то вскрик, и за этим унтер положил девушку на тротуар, повернул назад и пошел так же бодро. Оказалось, девушка убита большим ножом в сердце. Ей было 17–18 лет, хорошенькая, небедных родителей; шла в гости к родным».

Впоследствии, на допросе о причинах убийства унтер-офицер пояснил: «Так, лукавый попутал. А что убил девушку, то потому что она встретила; встретиться другой кто, то другого бы убил» (Стогов, 2003. С. 152).

О не менее драматичном случае, произошедшем в Красноярске, «когда татарин, выпущенный после долгого заключения в остроге на цепи, пошел и зарезал девочку, потому что давно не видел крови», рассказывал в своих записках Н. В. Шелгунов (Шелгунов, 1871. С. 297).

Подобными происшествиями изобилвала и криминальная хроника сибирских газет. В одном эпизоде корреспонденты, сообщая об убийстве поселенцем Ачинского округа Алексеем Лисицыным поселенца Кондратия Катышкина, рассказывали своим читателям, что «произведенным по этому поводу расследованием обнаружено, что Лисицын совершил преступление не имея ни какой злобы к убитому... по его словам без всякого повода схватил топор и ударил им по голове бывшего с ним в одной казарме Катышкина» (Часть неофициальная // Иркутские губернские ведомости. 1862. № 22. С. 2). В другом, причиной трагедии оказалось меню. И типографский наборщик Фёдор Латышев убил ударом ножа свою жену Харитону Латышеву за то, что она подала на ужин суп, а не пельмени, которые тот требовал (В судах // Восточная заря. 1910. № 1. С. 4).

Не редкостью для столицы Восточной Сибири являлись происшествия, когда убийства совершались днем при большом скоплении обывателей. Один из таких случаев произошел 27 июня 1882 г. на Н. Амурской ул. 20 пьяных мастеровых зашли в кузницу и стали наносить побои рабочим. Проходивший мимо иркутский мещанин Зырянов попытался уговорить хулиганов прекратить избиение. Однако злоумышленники вытащили его на улицу и стали забивать камнями. На крик Зырянова, его жены и десятилетнего сына собралось около 100 горожан. При этом никто из собравшихся не рискнул вмешаться. От полученных ран Зырянов скончался на месте (Сибирская хроника // Сибирь. 1882. № 27. С. 1).

Вседозволенность преступных деяний на фоне снижения морально-этических норм поведения в сибирском обществе привели к появлению своеобразной идеологии убийства, когда в качестве непреложного правила при совершении преступления полагалось устранить всех свидетелей. «Ограбил кого, следы

хорони... не оставляй своего хвоста на дороге, заметай следы: ограбленного убивай... не убьешь, язык за собой оставишь по нему дойдут и до тебя... такой уж закон», – учил своих товарищей по Нерчинской каторге известный всей Сибири убийца-рецидивист Корнев (Максимов, 1871. С. 179).

Пагубная практика устранения всех свидетелей преступления привела к появлению феномена групповых убийств. Жертвами злоумышленников становились целые семьи. Преступники не жалели даже детей.

Разбойные нападения, сопряженные с убийством нескольких человек, являвшиеся происшествиями экстраординарного характера, стали происходить на сибирских территориях с пугающей регулярностью. Даже жители столицы Восточной Сибири, располагавшей самым большим штатом полиции, не были застрахованы от подобных преступлений.

Из дошедших до нашего времени источников известен целый ряд иркутских трагедий, сопряженных с совокупностью нескольких убийств, охватывающихся единым преступным намерением.

В начале 1864 г. крестьянином Гаврилой Кузьминым и ссыльным Николаем Соколовым при совершении разбойного нападения на дом инородца Бахана Ванькина были убиты все 5 членов его семьи (Первая смертная казнь в Иркутске, 1912. С. 360).

25 декабря 1867 г. на Большой ул. в доме купца Маркевича при совершении разбойного нападения топором было убито все семейство Липшиц, состоявшее из отставного солдата Файнши Липшица его жены Шейнарины, 25 лет и дочери Эстер, 6 лет» (Романов, 1914. С. 220).

13 апреля 1873 г. на Набережной ул. совершено убийство семьи Чуриных. Веревкой и ремнём были задушены Александра Чурина, Наталья Чурина, кухарка Авдотья Ракина, кучер бурят 18 лет и дворник Матвей (Романов, 1914. С. 290).

18 ноября 1878 г. в 10 ч. вечера на Петрушинской горе в доме Якимова солдатами местного батальона Назаром Гребенщиковым, Иваном Комелевым, Егором Скударновым и Афиногеном Савицким совершено убийство отставного солдата Максима Якимова 70 лет, его дочери Прасковьи 40 лет и внучки Ануфрии 18 лет (Иркутская хроника // Сибирь. 1878. № 37. С. 2).

Тех, кто преступал грань, не останавливали даже самые жестокие меры со стороны властей. Не прекра-

тил череду групповых убийств и Императорский указ 1865 г., дававший право генерал-губернатору Восточной Сибири предавать военно-полевому суду преступников «в случаях измены, бунта, убийства, разбоя и поджогов» (Власть в Сибири..., 2005. С. 185)⁴.

Изобличенных в групповых убийствах судили, используя особые правовые нормы, и приговаривали к казни через повешение. Тех, кого удавалось поймать – казнили, те же, кто успевал скрыться от правосудия, продолжал убивать и грабить с еще большим ожесточением.

Именно так поступал Семен Алексеевич Тарасов (он же Алексеев, Фёдоров и Козлов). Преступник-рецидивист, виновный в многочисленных убийствах и грабежах.

В 1889 г. А. С. Тарасов, осужденный под фамилией ссыльнопоселенца Фёдорова 1889 г. совершил побег с каторжных работ и обосновался в Иркутске, где примкнул к банде беглого каторжника Эдуарда Черевинского. Будучи одним из самых активных членов банды Тарасов, совершил в Иркутске несколько убийств и разбойных нападений. Наиболее громким делом оказалось убийство семьи Людмилы Сухановой. Этот трагический случай получил среди иркутского общества большой резонанс. В результате практически всю банду задержали в кратчайшие сроки по горячим следам. Решением военно-окружного суда к смертной казни через повешение были осуждены сам Эдуард Черевинский и его ближайшие подручные. Только члену банды – С. А. Тарасову удалось скрыться от правоохранителей.

Легализовавшись в Томске под именем мещанина Козлова, Тарасов вновь организовал банду. Возглавив преступную группу, злоумышленник вновь совершил несколько тяжких преступлений. Последней жертвой бандитов оказалась семья Щербаковых. Во время разбойного нападения Тарасов лично убил троих человек (Сысоев, 2019. С. 37).

Подобные преступники-рецидивисты, служили одним из главных источников распространения идео-

⁴ Власть в Сибири: XVI – начало XX в.: [межарх. справ. изд. / М. О. Акишин и др. ; сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев ; отв. ред. В. В. Моисеев] ; Межрегион. ассоц. экон. взаимодействия «Сиб. соглашение», Науч.-метод. совет арх. учреждений Сиб. федер. округа, Упр. гос. арх. службы Новосибир. обл. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Сова, 2005. 694, [1] с.

логии убийства, как основного способа сокрытия следов преступления. Благодаря их криминальному опыту в преступной среде стали использоваться такие изощрённые способы уничтожения улик, как расчленение жертв.

С одним из первых случаев расчленения жертвы столкнулся в 1889 г. пристав 3-й полицейской части Иркутска Н. Д. Добронравов. 28 февраля полицейский чиновник обнаружил в селе Александровском изрубленный на части и закопанный в старом брошенном погребу труп женщины. В последствие сыщику удалось установить, что убийство было совершено с целью грабежа в 1888 г. ссыльнопоселенкой Екатериной Степановой (Криминальные хроники Иркутска, 2013. С. 80)³.

Спустя пять лет, 17 июля 1894 г. иркутские обыватели обнаружили на Кайской горе около циклодрома общества велосипедистов два обнаженных обезглавленных женских трупа. Через непродолжительное время помощнику пристава 3-й полицейской части Яковлеву удалось задержать подозреваемых в убийстве ссыльнопоселенцев Михаила Осиповича Марехова и Тиграна Агонесовича Касьянца. Задержанные рассказали, что «убили Светлану Заноско и Марию Беспалову за 25 руб». Преступники пригласили женщин в лес, напоили, заставили раздеться и, когда последние уснули, отрезали им головы перочинным ножом. Как выяснилось при дознании, расчленение жертв было произведено не только для препятствия следствию, но и для предоставления доказательств заказчику преступления.

В некоторых случаях физические манипуляции над телами убитых перерастали в акты глумления. Об одном из подобных происшествий, произошедшем с горничной женской гимназии Красноярска, упоминает Н. М. Ядринцев. По сведениям Николая Михайловича, «городскими обывателями на берегу реки была найдена обезображенная голова, косы продеты в уши... далее собака таскала по городу человеческую руку». Полицейские установили, что жертва насилия оказалась варварски умерщвлена. У горничной вырезали груди и половые органы (Ядринцев, 2012. С. 602). Примечательно, что это преступление совершили беглокавторжные, проживавшие в городе по подложным документам.

В последующем практика расчленения жертв имела достаточно широкое распространение по всей Восточной Сибири. Более того, от способа сокрытия

следов преступления данное отягчающее обстоятельство убийства переросло в инструмент устрашения населения и правоохранителей (Сысоев, 2018. С. 28).

Именно таким образом активные участники «грабительской организации кавказцев» Симоношвилли, Кауторадзе, Николадзе и Лашбжадзе в ноябре 1909 г. пытались оказать психологическое давление на полицейских Благовещенска. Преступники убили агента полиции Богораева, разрубили жертву на части и вложили в два мешка. С телом была оставлена записка: «Убит за то, что сыщик» (Оправданы // Сибирский край. 1912. № 12. С. 2).

Такое циничное поведение преступников показывало, не только их полное пренебрежение законом и нормами морали, но и дальнейшую эволюцию тяжких противоправных деяний, направленных против жизни сибиряков. Именно на территории Восточной Сибири убийство как преступление против жизни приобрело черты преступного промысла. А те, кто их совершали, стали заниматься этим профессионально.

Промысел, основанный на умышленном лишении жизни в целях получения от этого выгоды, находил свое самое широкое распространение в среде сибиряков благодаря особенностям пенитенциарной политики самодержавия, породившей институт сибирского бродяжничества.

Впервые о существовании промысла на «горбачей» (бродяга с котомкой за плечами – авт.) заявил Н. М. Ядринцев. По сведениям Николая Михайловича, «этот род охоты за бродягами и обирание убитых создали в Сибири радикальное истребление бродяг и породили бесчеловечный промысел этими убийствами» (Семилужинский, 1868. С. 112).

«Пронзительный этот сибиряк... убить ему ничего за всякую малость, только бы обобрать у кого деньги, а то и одежкой бродяжеской не брезгают», – говорили по этому поводу сами бродяги.

Сравнивая стоимость человеческой жизни с добычей местных звероловов, сибиряки поясняли: «Белка ведь стоит 5 копеек, а с горбача 50 копеек возьми».

В работах С. Максимова упоминается ачинский крестьянин, судимый за 14 убийств беглокавторжных. Причем по признательным показаниям самого убийцы, «он из всех 14, только у одного нашел 25 рублей, с остальных поживился только носильным платьем» (Максимов, 1871. С. 74).

Из дошедших до нашего времени источников известны имена наиболее удачливых охотников за «горбачами», убивших за свою жизнь 60, 90 и более человек. Так, в Енисейской губернии профессионально убийствами беглых занимался крестьянин Заворота, а на Ангаре промышлял охотник Битков (Семилюжинский, 1868. С. 113).

Оказавшись перед выбором, поймать беглого живым и получить в награду 3 рубля серебром, либо убить и ограбить, охотники на «горбачей» предпочитали последнее, как наиболее выгодное. Об одном из таких охотников, предпочитавших розыску убийство, рассказывал С. Максимов. По сведениям этнографа, «он считал на своей совести до ста человек» (Максимов, 1871. С. 75).

Наибольший размах промысел «горбачей» приобрел в среде забайкальских бурят, или как их еще тогда называли – братских. «Между бурятами, говорили современники тех событий, – водятся такие молодцы, которые целью своей жизни поставляют охоту за горбачами». До нашего времени дошла поговорка, ходившая в инородческой среде: «Худенький беглый лучше доброй козы.... с козули снимешь одну шкуру, а с беглого две или три (т. е. полушубок, азам и рубаху)» (Литовицын, 1909. С. 29).

Примечательно, что попытки властей пресечь преступный промысел не имели особого успеха. Несмотря на организацию целого ряда громких судебных процессов над чрезмерно активными «охотниками», истребление бродяг со стороны сибирского населения продолжалось вплоть до отмены уголовной ссылки.

Последующая спецификация умышленных преступлений против жизни произошла в связи с появлением на территории Восточной Сибири высокоразвитой уголовной среды, способной к воплощению криминальных схем, направленных на устранение людей по предварительному заказу. С начала XX столетия такие убийства стали практиковаться «грабительской организацией кавказцев».

Культивируемая самодержавием с 1828 г. ссылка особо опасных преступников из Грузии и Армении послужила своеобразной основой для возникновения в Сибири этнической уголовной среды – криминального сообщества качественно и количественно превалявшего над иными преступными образованиями региона.

Созданная на основе кавказского землячества «грабительская организация» в начале XX столетия насчитывала в своих рядах до 470 активных участников и отличалась от иных преступных сообществ строжайшей конспирацией, обширными связями с представителями властных структур и четкой криминальной специализацией ее членов (Сысоев, 2020. С. 32). Эти важные для уголовного мира качества позволили кавказцам не только осуществлять преступную деятельность на более высоком организационном уровне, но и активно развивать новые виды противоправных деяний.

Опередившие всех конкурентов по степени организованности кавказцы, по свидетельству современников, «еще в 30-х годах XIX века очень часто производили убийства: то резали, то душили». Именно патологическая жестокость ко всем, включая членов собственной диаспоры, служила отличительным признаком высылаемых с Кавказа преступников. «А склонность к убийствам, – писал С. Масимов, – составляла самую видную и крупную черту их нравов» (Максимов, 2002. С. 187).

Таким образом, появление сплоченных, хорошо законспирированных и организованных групп, способных осуществлять убийства по предварительному заказу, явилось логическим продолжением криминальной эволюции преступного сообщества, состоявшего из представителей Кутаисской и Тифлисской губерний. При этом специализация их противоправной деятельности вполне соответствовала образу жизни, жестоким наклонностям и привычкам.

Обращает на себя внимание отлаженная структура «грабительской организации», состоявшей из нескольких уровней. Курировали криминальную деятельность по отдельным направлениям «даватели дел». Непосредственное руководство осуществляли «организаторы». Воплощением преступных замыслов занимались «активные работники» (Сысоев, 2016. С. 102).

В Иркутске «организатором» заказных убийств являлся будущий революционный деятель и руководитель партизанского движения Нестор Александрович Каландаришвили. Уроженец деревни Шемокмеди Озургетского уезда Кутаисской губернии был известен чиновникам Иркутского губернского жандармского управления, как «один из организаторов преступных выступлений... пользующийся

широкой популярностью среди Сибирских кавказцев» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 757. Л. 77, 78).

Изначально в ведении Каландаришвили находилось изготовление фальшивой монеты. Однако дефицит материальных ресурсов, требуемых на организацию производства, скорректировал его криминальную специализацию до организации заказных убийств. С этой целью Нестор Александрович создал специальную группу исполнителей, состоявшую из «активных работников» Самсона Михайловича Горделадзе (он же Отелло), Георгия Чехидзе и Константина Ивановича Тетрадзе (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1252. Л. 94).

Группа успешно функционировала вплоть до конца 1913 г., когда Нестором Александровичем был получен заказ на ликвидацию иркутского купца Якова Ефремовича Метелева. Информаторы охранного отделения сообщали, что за операцию по устранению купца, «его жена предложила Каландаришвили 5000 руб.» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 757. Л. 79).

Операция по устранению купца была назначена на 12 декабря 1913 г. Около семи часов вечера Георгий Чехидзе и Константин Тетрадзе на извозчике иркутской биржи № 903 Николае Александровиче Осикове подъехали к магазину «Щелкунова и Метелева». По свидетельству филера Ильина, осуществлявшего скрытое наблюдение за кавказцами, «убийцы долгое время кого-то высматривали, затем спешились, осмотрели окна и вошли в магазин». Однако, благодаря случайности, Я. Е. Метелеву удалось выжить. Во время покушения его лишь тяжело ранили в шею (Сысоев, 2005. С. 80).

Попытка задержать нападавших также не увенчалась успехом. После скоротечного огневого контакта с сотрудниками охранного отделения кавказцы скрылись на извозчике. Примечательно, что реализовать оперативную информацию и изобличить Н. А. Каландаришвили в организации заказных убийств жандармы так и не смогли. После нескольких месяцев заключения Нестор Александрович был освобожден из Иркутского тюремного замка из-за отсутствия свидетельских показаний. Не дал ощутимых результатов и арест руководителя «грабительской организации» уроженца Сигнакского уезда Тифлисской губернии Николая Соломоновича Онанашвили. Уже находясь в тюремном замке, «крестный отец» кавказцев сумел оплатить «заказ» на убийство

досаждавшего ему начальника Иркутского жандармского управления полковника А. В. Васильева.

Мощный и хорошо отлаженный аппарат политической полиции оказался малоэффективным в противостоянии с высокоразвитой преступной средой. В отличие от европейской части страны, где правоохранители могли осуществлять относительный контроль над уголовной преступностью, здесь на восточных окраинах Империи, они потеряли крах.

Полиции самодержавия так и не удалось замедлить рост тяжелой уголовной преступности на территории региона. Более того, местные власти почти полностью утратили контроль над распространением одного из самых страшных ее проявлений – умышленным лишением жизни. В результате к концу XIX столетия в процентном соотношении к иным видам преступных деяний на территории Восточной Сибири убийства составляли более 70 процентов, что превышало общероссийские показатели в 18 раз (Тарновский, 1909. С. 65). Существенные масштабы приобрел рецидив, достигая в отдельных случаях нескольких десятков преступлений, совершенных одним злоумышленником.

Стремительно распространившись на малозаселенных сибирских просторах благодаря пенитенциарной политике самодержавия, умышленные убийства за сравнительно небольшой период времени претерпели целый ряд качественных изменений. Совершаемые изначально какотягающее обстоятельство, сопутствующее открытым хищениям имущества, убийства со временем стали использоваться в качестве основного инструмента обретения прибыли. Получили широкое распространение немотивированные убийства, совершаемые по незначительным предложениям или из хулиганских побуждений.

Параллельно происходила трансформация идеологии умышленного лишения жизни. В результате убийство стало использоваться злоумышленниками как способ сокрытия следов преступления и противодействия правоохранителям. И если ранее обычными считались «одинарные» убийства, теперь для устранения свидетелей практиковались групповые. С целью сокрытия улик распространилась практика расчленения жертв.

Уже в середине XIX столетия деяния, направленные на получение прибыли путем умышленного лишения жизни, можно было охарактеризовать как

промысел. Косвенно возникновению этого феномена в Восточной Сибири способствовали особенности отечественной пенитенциарии. Благодаря стечению ряда факторов в среде коренного населения выработалась традиция «охоты на горбачей», дающая возможность получать систематическую прибыль за убийство бродяг и беглых. Через полвека в крае была реализована криминальная схема, позволявшая за деньги заказать убийство любого человека.

Все это свидетельствовало об особой криминальной среде, возникшей на территории Восточно-

Сибирского региона в XIX – начале XX столетия. Ее отличие от общероссийских реалий выражалось в высокой динамике распространения тяжких преступлений, их преваляровании над иными видами противоправных деяний, качественном изменении способов и трансформации идеологии совершения, бесконтрольности со стороны властей и, как следствие, в глобальном воздействии на снижение уровня личной безопасности сибирского населения.

Список источников

Дриль Д. А. Ссылка во Франции и России. Из личных наблюдений во время поездки в новую Каледонию, на о. Сахалин, в Приамурский край и Сибирь. СПб. : Типография П. Ф. Вошинской, 1899. 224 с.

Елинский В. И. Формирование сыскной полиции (XIX – начало XX в.). // История органов внутренних дел России : сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД России, 2002. С. 175–191.

Литовицын А. Сибирские нравы и преступления // Сибирские вопросы. 1909. № 42. С. 28–30.

Максимов С. В. Каторга империи. М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. 478 с.

Максимов С. В. Сибирь и каторга. В 3-х ч. СПб. : А. Траншеля, 1871. Ч. I. 367 с.

Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во Московского университета, 1960. 338 с.

Первая смертная казнь в Иркутске // Сибирский архив. 1912. № 5. С. 360–363.

Романов Н. С. Иркутская летопись 1857–1880 гг. Иркутск : Паровая типография И. П. Казанцева, 1914. 432 с.

Семилужинский. Бродячее население Сибири // Дело. 1868. № 11. С. 71–114.

Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь ее современное состояние и нужды : сборник статей под общей редакцией С. Мельника. СПб. : Изд-во А. Ф. Девриена, 1908. С. 201–235.

Сипягин А. П. Несколько слов о настоящем и будущем уголовной ссылки и тюрьмы. СПб. : Государственная тип., 1898. 31 с.

Соломон А. П. Ссылка в Сибири. Очерк ее истории и современного положения для Высочайше учрежденной комиссии о мерах по отмене ссылки. СПб., 1900. 392 с.

Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М.: Индрик, 2003. 239 с.

Сысоев А. А. Иркутское губернское жандармское по-

References

Drill' D. A. (1899) Exile in France and Russia. From personal observations during a trip to New Caledonia, Sakhalin Island, the Amur Region and Siberia. St. Petersburg: Tipografiya P. F. Voshchinskoi. 224 p. (In Russ.).

Elinskii V. I. (2002) Formation of the detective police (XIX - early XX century). *Istoriya organov vnutrennikh del Rossii: Sbornik nauchnykh trudov = History of the internal affairs bodies of Russia. Collection of scientific papers*. Moscow: Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. P. 175-191. (In Russ.).

Litovitsyn A. (1909) Siberian morals and crimes. *Sibirskie voprosy = Siberian questions*. No. 42. P. 28-30. (In Russ.).

Maksimov S. V. (2002) Penal servitude of the Empire. Moscow: EKSMO-Press. 478 p. (In Russ.).

Maksimov S. V. (1871) Siberia and penal servitude. In 3 parts. St. Petersburg: A. Tranchel. Pt. I. 367 p. (In Russ.).

Ostroumov S. S. (1960) Crime and its causes in pre-revolutionary Russia. Moscow: Moscow State University. 338 p. (In Russ.).

(1912) The first death penalty in Irkutsk. *Sibirskii arkhiv = Siberian archive*. No. 5. P. 360-363. (In Russ.).

Romanov N. S. (1914) Irkutsk Chronicle of 1857-1880. Irkutsk: Parovaya tipografiya I. P. Kazantseva. 432 p. (In Russ.).

Semiluzhinskii (1868) The vagrant population of Siberia. *Delo = A business*. No. 11. P. 71-114. (In Russ.).

Seroshevskii V. (1908) Exile and penal servitude in Siberia. *Sibir' ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy: sbornik statei pod obshchei redaktsiei S. Mel'nika = Siberia and its current state and needs: a collection of articles under the general editorship of S. Melnik*. St. Petersburg: Publishing house of A. F. Devrien. P. 201-235. (In Russ.).

Sipyagin A. P. (1898) A few words about the present and future of criminal exile and prison. St. Petersburg: State Printing House. 31 p. (In Russ.).

Solomon A. P. (1900) Exile in Siberia. An essay on its history and current situation for the Most Highly Established Commission on Measures to Abolish Exile. St. Petersburg. 392 p. (In Russ.).

Stogov E. I. (2003) Notes of a gendarme staff officer of the era of Nicholas I. Moscow: Indrik. 239 p. (In Russ.).

Sysoev A. A. (2005) Irkutsk provincial gendarmerie po-

лицейское управление и «ликвидация» грабительских организаций в Восточной Сибири // *Земля Иркутская*. 2005. № 22. С. 78–83.

Сысоев А. А. Начальник Иркутского сыскного отделения Николай Александрович Романов // *Вестник ВСИ МВД России*. 2018. № 3 (86). С. 26–31.

Сысоев А. А. Пенитенциарная политика самодержавия и ее влияние на личную и имущественную безопасность сибирского населения // *Вестник ВСИ МВД России*. 2016. № 2 (77). С. 92–105.

Сысоев А. А. Пенитенциарный рецидив, как проявление множественной уголовной преступности в Восточной Сибири на рубеже XIX и XX столетий // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2019. № 2 (36). С. 36–39.

Сысоев А. А. Преступные объединения, как вид соучастия в противоправной деятельности на территории Восточной Сибири в начале XX столетия // *Вестник ВСИ МВД России*. 2020. № 1 (92). С. 29–38.

Тарновский Е. Н. Движение преступности в Российской империи за 1899–1908 гг. // *Журнал Министерства Юстиции*. 1909. № 9. С. 52–99.

Шелгунов Н. В. Сочинения / изд. «Рус. Кн. торговли». СПб.: Тип. В. Демакова, 1871. Т. 1. 376 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири, ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882. 471 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. М.: Книга по требованию, 2012. 720 с.

Информация об авторе

А. А. Сысоев – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия.

Вклад автора

Сысоев А. А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 13 января 2022 г.; одобрена после рецензирования 9 февраля 2022 г.; принята к публикации 21 февраля 2022 г.

lice department and the "liquidation" of predatory organizations in Eastern Siberia. *Zemlya Irkutskaya = Irkutsk Land*. No. 22. P. 78-83. (In Russ.).

Sysoev A. A. (2018) Head of the Irkutsk Detective Department Nikolai Alexandrovich Romanov. *Vestnik VSI MVD Rossii = Bulletin of the VSI of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3 (86). P. 26-31. (In Russ.).

Sysoev A. A. (2016) Penitentiary policy of the autocracy and its impact on the personal and property security of the Siberian population. *Vestnik VSI MVD Rossii = Bulletin of the VSI of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 2 (77). P. 92-105. (In Russ.).

Sysoev A. A. (2019) Penitentiary recidivism as a manifestation of multiple criminality in Eastern Siberia at the turn of the XIX and XX centuries. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of socio-economic development of Siberia*. No. 2 (36). P. 36-39. (In Russ.).

Sysoev A. A. (2020) Criminal associations as a type of complicity in illegal activities on the territory of Eastern Siberia at the beginning of the XX century. *Vestnik VSI MVD Rossii = Bulletin of the VSI of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1 (92). P. 29-38. (In Russ.).

Tarnovskii E. N. (1909) Crime movement in the Russian Empire for 1899-1908. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii = Journal of the Ministry of Justice*. No. 9. P. 52-99. (In Russ.).

Shelgunov N. V. (1871) Essays. St. Petersburg.: V. Demakov type. Vol. 1. 376 p. (In Russ.).

Yadrintsev N. M. (1882) Siberia as a colony. To the anniversary of the tercentenary. The current situation of Siberia, its needs and requirements. Its past and future. St. Petersburg. 471 p. (In Russ.).

Yadrintsev N. M. (2012) Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms. Moscow: Book on demand. 720 p. (In Russ.).

Information about the author

A. A. Sysoev – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Deputy Head of the Department, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia.

Contribution of the author

Sysoev A. A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 13, 2022; approved after reviewing February 9, 2022; accepted for publication February 21, 2022.